

А. Арно, П. Николь

**Логика, или Искусство
мыслить**

Памятники философской мысли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А84

А84 **Арно А.**
Логика, или Искусство мыслить: Памятники философской мысли / А. Арно,
П. Николь – М.: Книга по Требованию, 2024. – 414 с.

ISBN 978-5-458-41006-9

ISBN 978-5-458-41006-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Этот небольшой труд своим рождением целиком обязан случаю и скорее своего рода развлечению, нежели серьезному замыслу. Некий знатный господин, беседуя с одним молодым человеком¹, который уже в юном возрасте обнаружил основательность и глубину ума, сказал ему, что в молодости он нашел учителя, сумевшего за две недели преподать ему одну из частей логики. Присутствовавший при сем другой человек², не питавший особого уважения к этой науке, смеясь, ответил, что, если господин *** пожелает дать себе труд, он берет в четыре-пять дней обучить его всему, что есть в логике полезного. Это неожиданное предложение послужило темой для разговора; решено было попробовать. Но так как обычные руководства по логике не представлялись ни достаточно краткими, ни достаточно ясными, явилась мысль написать небольшой очерк логики, предназначенный только для упомянутого молодого человека.

Такова была единственная цель, которую мы преследовали, приступая к работе над своей «Логикой». Мы рассчитывали потратить на нее не более дня, но когда мы ею занялись, на ум пришло столько новых мыслей, что мы вынуждены были их записать, дабы от них отрешиться. Поэтому вместо одного дня пришлось потратить четыре или пять, в течение которых была создана основная часть этой «Логики», к коей мы впоследствии сделали различные добавления.

Несмотря на то что мы охватили гораздо больше вопросов, чем предполагалось вначале, опыт логики получился таким, каким он и был задуман. Молодой человек, о котором идет речь, сам свел нашу «Логiku» к четырем таблицам и легко выучил их по одной в день, так что ему почти не пришлось обращаться за разъяснениями. Правда, не следует ожидать, что и другие усвоят ее с такой же легкостью, ибо во всем, где требуются умственные способности, он проявляет совершенно необыкновенный ум.

Вот какое случайное обстоятельство привело к появлению этого труда. Но что бы о нем ни думали, было бы несправедливо осуждать нас за его издание: оно было скорее вынужденным, нежели добровольным. Ибо некоторые сделали рукописные копии нашего сочинения, а при этом, как известно, не обходится без множества ошибок. Между тем нас уведомили, что книгоиздатели собираются его напечатать. Поэтому мы почли за лучшее представить публике свой труд без искажений и целиком, нежели позволить напечатать его с неточных копий. Но это побудило нас также внести различные дополнения, увеличившие его объем приблизительно на одну треть, так как мы решили изложить свои взгляды более подробно, чем в первом опыте. В нижеследующем рассуждении мы объясняем цель, которую мы перед собой поставили, и смысл обсуждаемых нами вопросов.

Кроме того, мы внесли и другие важные дополнения³. Они потребовались в связи с тем, что протестантские священники посетовали на отдельные наши замечания, так что мы должны были разъяснить и защитить те положения, которые подверглись критике. Из этих разъяснений будет видно, что разум и вера прекрасно согласуются между собой, ибо они подобны двум ручьям, вытекающим из одного источника, и что невозможно отступить от разума, не уклоняясь от веры, и наоборот. Но хотя поводом для такого рода дополнений послужили возражения теологического характера, в сочинении по логике они вполне уместны и естественны, и мы могли бы внести их, даже если бы на свете не было никаких священников, пожелавших затеять истины веры надуманными тонкостями.

ПЕРВОЕ РАССУЖДЕНИЕ,
В КОТОРОМ РАСКРЫВАЕТСЯ ЗАМЫСЕЛ
ЭТОЙ НОВОЙ «ЛОГИКИ»

Ничто не заслуживает большего уважения, чем здравый смысл и способность безошибочно распознавать истину и ложь. Все прочие умственные способности имеют ограниченное применение, рассудительность же требуется на любом жизненном поприще, важна в любой деятельности. Не только в науках трудно отличить истину от лжи, но также и в большинстве обсуждаемых людьми вопросов, и в большинстве их дел. Почти везде есть разные пути: одни — истинные, другие — ложные, и выбор возлагается на разум. Те, кто избирает истинные пути, обладают правильным умом (*esprit juste*), у тех же, кто принимает неверные решения, неправильный ум (*esprit faux*). Таково первое, самое существенное различие, какое можно установить в умственных способностях людей.

Следовательно, прежде всего надо было бы приложить старания к тому, чтобы развить данную нам способность суждения, довести ее до наивысшего доступного нам совершенства. Именно этому мы должны были бы посвятить большую часть наших занятий. Разумом пользуются как инструментом приобретения познаний, а следовало бы, наоборот, познания использовать как инструмент совершенствования разума: ведь правильность ума неизмеримо важнее любых умозрительных знаний, которых мы можем достичь с помощью самых достоверных и самых основательных наук. Поэтому благоразумные люди должны предаваться научным занятиям лишь постольку, поскольку они могут служить названной цели, и видеть в них не применение сил своего ума, а только их испытание.

Если не ставить перед собой такой задачи, то изучение умозрительных наук, включая геометрию, астрономию и физику, превращается в пустую забаву, и тогда сомнительно, чтобы они заслуживали большего почтения, чем незнание всех этих предметов, у которого есть

по крайней мере то преимущество, что оно не требует столько трудов и не дает повода к нелепому тщеславию, часто сопутствующему бесплодным и бесполезным познаниям.

Речь идет не только о том, что в этих науках есть такие дебри, где трудно отыскать что-либо полезное,— по нашему убеждению, они и вовсе бесполезны, если заниматься ими ради них самих. Люди созданы не для того, чтобы проводить время, измеряя линии, исследуя соотношение углов и изучая различные движения материи. Ум их слишком велик, а жизнь слишком коротка и время слишком драгоценно, чтобы тратить его на столь незначительные предметы. Но они обязаны быть справедливыми, беспристрастными и разумными во всех своих рассуждениях, делах и поступках. Это главные качества, которые они должны в себе вырабатывать и развивать.

Заботиться об этом тем более необходимо, что правильность суждений — на удивление редкое свойство. Повсюду встречаются лишь неправильные умы, почти неспособные отличить истину от лжи. Они толкуют обо всем вкривь и вкось; они довольствуются самыми слабыми доводами и хотят, чтобы ими довольствовались и другие; их сбивает с толку малейшая видимость; они постоянно впадают в излишества и в крайности; у них нет твердой уверенности в тех истинах, которые им известны, так как принять эти истины их заставляет случай, а не глубокие знания, или же, наоборот, они упрямо стоят на своем и не слушают ничего, что могло бы вывести их из заблуждения; они смело высказываются о том, чего они не знают, что им непонятно и чего, быть может, не понял еще ни один человек; они не ведают, что речи речам рознь, и судят об истине вещей не иначе, как по тону голоса: кто говорит гладко и с важностью, тот прав, а кто изъясняется не без труда или горячится, тот заблуждается,— это все, что им доступно.

Вот почему никакой вздор не бывает настолько опасным, чтобы ни у кого не встретить одобрения. Всякий, кому придет охота дурачить народ, может быть уверен, что найдет людей, только того и ждущих, чтобы их одурачили, и для самых смехотворных нелепостей всегда сыщется ум, которому они будут под стать. Как помотришь, скольким вскружили голову бредни астроло-

гии судеб¹ — ведь даже среди степенных людей иные воспринимают этот предмет всерьез, — ничему уже не станешь удивляться. Есть на небе созвездие, которое кому-то заблагорассудилось назвать Веса́ми; оно так же похоже на весы, как и на ветряную мельницу. Весы — символ справедливости и беспристрастия; стало быть, родившиеся под этим созвездием будут справедливыми и беспристрастными. Есть в Зодиаке три других знака: Овен, Козерог, Телец; с таким же успехом они могли бы называться Сло́н, Носоро́г, Крокоди́л. Овен, козерог и телец — жвачные животные; стало быть, у того, кто принимает лекарство в период, когда Луна расположена под этими созвездиями, есть основания опасаться, как бы его желудок не изверг принятое снадобье. При всей пелепо́сти подобных рассуждений находятся и те, кто их преподносит, и те, кому они кажутся вполне убедительными.

Эта неправильность ума порождает не только те заблуждения, которые пропикают в пауки. Она является причиной большей части ошибок, совершаемых нами в повседневной жизни: беспочвенных раздоров, безосновательных тяжб, скоропалительных решений, непродуманных начинаний. Все перечисленное редко имеет иной источник, помимо какой-нибудь погрешности или ошибки в суждении, так что исправить названный недостаток для нас важнее, чем какой-либо другой.

Но избавиться от него насколько желательно, настолько же и трудно, ибо успех здесь зависит от той меры ума, с какой мы появляемся на свет. Здравый смысл — не такое уж общее качество², как полагают. Существует неисчислимое множество грубых и тупых умов. Истину им не впустить — все исправление таких умов может состоять лишь в том, чтобы убедить их ограничиваться доступными им предметами и удерживаться от суждения о вещах, которые выше их понимания. Правда, немалая доля ложных суждений происходит все же не из тупости, а из торопливости ума и недостатка внимания, вследствие чего смело судят о том, что представляют себе очень смутно. Люди не питают особой любви к истине и чаще всего не дают себе труда отделять истинное от ложного. Душа их открыта для всевозможных речей и максим, которые они охотнее примут на веру, нежели станут разбирать; если они их не

понимают, то полагаются на других. Так они забивают себе голову темными, ложными, непонятными для них вещами и исходя из этого потом рассуждают, почти не отдавая себе отчета в своих словах и мыслях.

Этот недостаток отягощается тщеславием и самомнением. По общему убеждению, стыдно не знать и сомневаться, поэтому многие предпочитают высказываться и принимать решения наобум, лишь бы не сознаваться, что недостаточная осведомленность не позволяет им судить о том или ином предмете. Все мы исполнены невежества и заблуждений, однако же никакими силами не вырвать у людей признания, столь справедливого и столь сообразного с человеческим уделом: «Я неправ» или «Я этого не знаю».

Встречаются и другие, достаточно проникательные, чтобы обнаружить в человеческих познаниях много темного и недостоверного. Побуждаемые тщеславием иного рода, они, напротив, хотят показать, что им чуждо легковерие толпы, и считают делом чести утверждать, будто вовсе не существует ничего достоверного; тем самым они избавляют себя от необходимости вникать во многие проблемы. На таком порочном основании они подвергают сомнению даже наиболее твердые истины, не исключая истин религии. Отсюда берет начало пирронизм, представляющий собой другую крайность человеческого ума, которая хотя и кажется противоположной легкомыслию тех, кто всему верит и обо всем судит, проистекает, однако, из того же источника, а именно из недостатка внимания. Ибо как одни не дают себе труда выявлять заблуждения, так другие не стремятся рассматривать истину с тем тщанием, какое необходимо, чтобы заметить ее очевидность. Достаточно малейшего проблеска, чтобы убедить первых в истинности положений совершенно ложных, а у вторых возбудить сомнение в самом достоверном. И именно недостаток прилежания приводит к столь различным последствиям.

Истинный разум ставит всё на свои места. Он велит сомневаться в том, что сомнительно, отвергать то, что ложно, и не кривя душой признавать очевидное; его не смущают вздорные доводы пирронистов, не способные сокрушить разумную уверенность в том, что истинно, даже в умах тех, кто их выдвигает. Никто еще не сомневался всерьез в существовании Земли, Солнца и Лу-

ны или в том, что целое больше части. Можно лживо заявлять, будто сомневаешься в подобных вещах, но нельзя заставить солгать свой разум. Так что пирронисты — это не секта людей, убежденных в своей правоте, а секта лжецов. Не случайно, излагая свои взгляды, они часто сами себе противоречат, ибо сердце у них не в ладах с языком. Это можно видеть у Монтеня, попытавшегося возродить в прошлом столетии пирронизм.

Академики, говорит он, утверждали, что одни представления более правдоподобны, чем другие, и тем отличались от пирронистов, не желавших это признавать; после чего он высказывается в пользу пирронистов в таких словах: *Точка зрения пирронистов — более решительная и вместе с тем более правдоподобная*³. Значит, все-таки есть представления более и менее правдоподобные. И он нисколько не шутил: эти слова вырвались у него нечаянно, они идут из глубины естества, которого не в силах заглушить лживые мнения.

Но беда в том, что, когда дело касается вещей не столь очевидных, люди, которым доставляет удовольствие во всем сомневаться, не обращают свой ум на то, что могло бы их убедить, а если и обращают, то не проявляют при этом подобающего усердия. Так, они нарочно подвергают сомнению истины религии, предпочитая оставаться во мраке: это состояние для них приятно и удобно, ибо оно позволяет им избавиться от угрызений совести и дать волю своим страстям.

Итак, коль скоро эти отклонения ума, которые кажутся противоположными — в первом случае с легкостью принимают на веру то, что темно и недостоверно, во втором сомневаются в ясном и достоверном, — имеют в действительности один источник, а именно отсутствие внимательности, потребной для распознавания истины, то совершенно очевидно, что и средство против них должно быть одно и что уберечь себя от этих отклонений мы сможем лишь тогда, когда будем обращать должное внимание на свои суждения и мысли. Это единственное условие, которое надо непременно соблюдать, чтобы не поддаваться обману. Ибо то, что говорили академики, — будто невозможно найти истину, не зная ее отличительных признаков, как невозможно было бы узнать при встрече разыскиваемого беглого раба, не имея он примет, отличающих его от других людей, — не более чем

пустое изощрение. Чтобы отличить свет от мрака, не требуется никаких других признаков, кроме самого света; так и для того, чтобы распознать истину, не надобно никаких других признаков, кроме окружающего ее сияния, которое пленяет ум и убеждает его наперекор всему. Так что любые доводы этих философов столь же бессильны удержать душу, когда она проникается истиной и всецело ее приемлет, сколь бессильны они помешать видеть глазам, открытым для дневного света.

Но поскольку случается, что ум вводит в заблуждение ложные проблемки, и поскольку многое познается путем долгого и нелегкого исследования, безусловно, было бы полезно руководиться определенными правилами, с тем чтобы облегчить разыскание истины и сделать это занятие более плодотворным. И такие правила, без сомнения, возможны. Ведь если люди иной раз заблуждаются, а иной раз бывают правы, если они порой умозаключают правильно, а порой неверно и способны признавать свои ошибки, то, разобравшись в собственных мыслях, они могут заметить, какому методу они следовали, когда пришли к правильному выводу, и где допустили ошибку, и таким образом составить себе правила, дабы впредь уже не попадать впросак.

За это, собственно, и берутся философы, не скупясь на обещания. По их словам, в соответствующем разделе философии, называемом логикой, они несут нам столько света, что могут рассеять в нашем уме самый густой мрак; они исправляют любые ошибки в наших рассуждениях и дают нам верные правила, которые прямым путем ведут нас к истине и без которых ее невозможно познать с полной достоверностью. Вот как расхваливают философы свои предписания. Если же мы посмотрим, как они исполняют их на деле — и в логике, и в других разделах философии, у нас будут всекие причины не верить этим обещаниям.

Но поскольку было бы неразумно отвергать все, что есть в логике полезного, из-за того что ее можно неправильно применять; поскольку немислимо, чтобы столь многие великие умы, с таким усердием трудившиеся над правилами умозаключения, не открыли ничего достойного внимания; поскольку, наконец, образованный человек должен, как это принято, хотя бы в общих чертах знать, что такое логика, — мы решили, что если бы мы выбра-

ли из нее то, что более всего содействует развитию способности суждения, это послужило бы на общую пользу. Таков был замысел нашего сочинения. Кроме того, мы изложили в своей «Логике» немало новых мыслей, появившихся у нас во время работы над нею; они составляют большую и, быть может, самую существенную ее часть.

Насколько нам известно, философы обычно ограничиваются тем, что дают образцы правильных и неправильных умозаключений. Нельзя сказать, что от этих образцов нет никакого проку: они подчас помогают найти ошибку в запутанном доказательстве или изложить свои мысли более убедительно. Однако не следует и переоценивать ту пользу, какую они способны принести. Ведь чаще всего мы ошибаемся не потому, что неправильно выводим следствия, а потому, что приходим к ложным суждениям, которые влекут за собой неверные заключения. От этого зла логика, по сути дела, еще не пыталась нас избавить. Оно-то и является главным предметом тех новых размышлений, которые читатели встретят в нашей книге повсюду.

Вместе с тем надо признаться, что мысли, названные здесь новыми, поскольку их не увидишь в обычных «Логиках», не все принадлежат автору настоящего труда. Часть из них заимствована из книг прославленного философа нынешнего столетия⁴, у которого мы находим столько же ясности ума, сколько путаницы обнаруживаем в голове у других. Некоторые мысли взяты из небольшого неопубликованного сочинения покойного господина Паскаля, озаглавленного «О геометрическом уме», а именно: то, что говорится в XII главе первой части⁵ о различии между определением имен и определением вещей, и пять правил, помещенных в четвертой части, где они изложены гораздо более пространно, чем у господина Паскаля.

Что же касается заимствований из обычных сочинений по логике, то здесь мы руководствовались следующим.

Мы решили включить в эту книгу все, что содержится полезного в других сочинениях: правила фигур, деление терминов и идей, некоторые мысли относительно предложений и т. д. Но есть в них и такие разделы, из которых, по нашему мнению, вряд ли можно извлечь ка-

кую-либо пользу, — например, категории и общие места. Ввиду того что они невелики по объему и являются доступными и традиционными, мы посчитали, что опускать их все же не следует и надо только предупредить читателей, чтобы им не придавали слишком большого значения.

Больше сомнений вызвали такие довольно трудные и не представляющие практического интереса разделы, как обращение предложений и доказательство правил фигур. Но в конце концов их решено было оставить, поскольку и в самых трудностях, которые в них заключены, есть своя польза. Разумеется, если, преодолевая трудности, мы не открываем никаких новых истин, можно с полным основанием сказать: *Stultum est difficiles habere nugas*⁶, но трудностей, сопряженных с усвоением нового, избегать не следует, ибо мы должны учиться постигать непростые истины.

Есть желудки, способные переваривать только легкую и нежную пищу; точно так же иные умы способны усваивать лишь такие истины, которые не представляют трудности, да притом еще облачены в ризы красноречия. И то и другое — изнеженность, достойная порицания, а попросту говоря, слабость. Надо, чтобы ум научился доискиваться до истины, даже когда она глубоко спрятана и скрыта от нашего взора, и воздавать ей должное, в каком бы виде она ни представала. Кто не может побороть в себе неприятия и отвращения, легко вызываемых у всякого из нас теми топкостями, которые кажутся нам схоластическими, тот незаметно сужает свой умственный кругозор и мало-помалу утрачивает способность понимать такие вещи, для познания которых требуется связать несколько положений. И если какая-то истина следует из трех-четырех принципов, так что ум должен охватить их единым взором, подобные люди чувствуют себя как бы ослепленными и в растерянности отступают. Тем самым они лишают себя многих полезных познаний, а это потеря немалая.

Умственные способности разливает или притупляет привычка. Служить их развитию — главное назначение математики и вообще всех трудных предметов и разделов вроде тех, о которых мы ведем речь. Ведь они дают уму известный простор и помогают ему выработать прилежание и уверенность в своих знаниях.